

Цифровой концлагерь: к вопросу о негативных образах технологического будущего

Антон Дмитриевич Уханов
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, vin-chun.95@list.ru

Аннотация. Цифровая трансформация, влияние которой наблюдается в различных сферах общественной жизни, актуализировала рассуждения о будущем. Распространённым приёмом, применяемым исследователями и публицистами при попытке обозначить прогнозируемое цифровое будущее, является метафора, которая выступает ёмкой объяснительной моделью, служащей для наименования образа технологического будущего. Одним из образов будущего, который имеет отчетливо негативную коннотацию, выступает образ цифрового концлагеря как состояния тотального цифрового контроля над обществом. Цель статьи заключается в выявлении достоинств и недостатков, а также политико-правового значения метафоры цифрового концлагеря в контексте конструирования образа технологического будущего. В работе обосновывается, что в текущий момент метафора отличается конспирологичностью (цифровой концлагерь строится осознанно и целенаправленно) и теоретической неразличимостью (цифровой концлагерь не отличим от общества, в котором используются цифровые технологии). Вместе с тем, при должной концептуальной доработке, она обладает значительным эвристическим и политико-правовым потенциалом в качестве оценочной категории, позволяющей осмыслить процесс цифровой трансформации с позиции рисков установления тотального цифрового контроля. Полученные выводы вносят теоретический вклад в проблематику осмысления образа технологического будущего, а также могут иметь практическое значение в контексте правовой политики государства в сфере цифровой трансформации.
Ключевые слова: цифровая трансформация, конкуренция образов будущего, цифровой контроль, цифровой концлагерь, конструирование образа будущего, политические метафоры

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта ЭИСИ и Минобрнауки РФ FZUG-2024-0005 "Образ технологического будущего России: цивилизационные основы проектирования и реализации"

Для цитирования: Уханов А.Д. Цифровой концлагерь: к вопросу о негативных образах технологического будущего. *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2026. Т. 20, № 1. С. 141–140.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/141-149>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/141-149>

The digital concentration camp: on the issue of negative images of the technological future

Anton D. Ukhanov
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, vin-chun.95@list.ru

Abstract. The digital transformation, the impact of which is observed in various spheres of public life, has actualized the discussion about the future. A common technique used by researchers and publicists when trying to identify the predicted digital future is a metaphor, which acts as a succinct explanatory model that serves to name the image of the technological future. One of the images of the future that has a distinctly negative connotation is the image of a digital concentration camp as a state of total digital control over society. The purpose of the article is to identify the advantages and disadvantages, as well as the political and legal significance of the digital concentration camp metaphor in the context of constructing an image of the technological future. The paper substantiates that at the moment the metaphor is characterized by conspiracy theory (a digital concentration camp is being built consciously and purposefully) and theoretical indistinguishability (a digital concentration camp is indistinguishable from a society in which digital technologies are used). At the same time, with proper conceptual refinement, it has significant heuristic and political-legal potential as an evaluation category that allows us to comprehend the process of digital transformation from the perspective of the risks of establishing total digital control. The conclusions obtained contribute theoretically to the problem of understanding the image of the technological future and may also have practical significance in the context of the state's legal policy in the field of digital transformation.

Key words: digital transformation, competition of images of the future, digital control, digital concentration camp, constructing an image of the future, political metaphors

This work was carried out with the financial support of the EISI grant and the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (FZUG-2024-0005) "The Image of Russia's Technological Future: Civilizational Foundations for Design and Implementation."

For citation: Ukhanov A.D. The digital concentration camp: on the issue of negative images of the technological future. *Ojkumena. Regional Researches.* 2026. Vol. 20, No. 1. P. 141–149.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/141-149>

Введение

Проблема осмысления цифровой трансформации, её влияния на общественные процессы, межличностное взаимодействие, изменения политико-правовых и социально-экономических отношений является одной из

центральных в современном социо-гуманитарном дискурсе. Цифровизация, будучи весьма сложным феноменом, обычно воспринимаемым как расширение использования цифровых, информационно-коммуникационных систем, практика внедрения искусственного интеллекта, предполагает не только использование различных цифровых технологий в повседневной жизни, но и "своеобразный перенос различных социальных практик в виртуальное пространство: сетевые транзакции, онлайн-взаимодействие акторов, что обеспечивает принципиально *иные качественные характеристики современного общества* (курсив мой – А. У.)" [11].

Ранее в научной литературе уже высказывались различные точки зрения относительно конфигурации тех изменений, которые привнесёт цифровизация в развитие общества. Различные авторы настаивают на том, что неизбежно появление новых социальных субъектов [3], формирование новых способов отправления власти посредством цифрового нормирования поведения [26], а также создание цифровых капсул, которые будут структурировать людей по группам [1]. Кроме того, человечество может ожидать новые формы общественной дифференциации [20], социального неравенства [2] и складывание цифровой нефеодалльной формации, с характерными для неё парцелляциями суверенитета, квазисловной иерархией, географической поляризацией между центром и глубинкой, а также апокалиптическим воображением [9].

Однако цифровизация не только меняет социальный уклад общества, реакцией на что становятся различные теории, но и наполняет новым содержанием способы мышления о будущем. Более того, учитывая характер самой цифровизации, её семантическую соположенность с чем-то передовым, футуристическим и т. д., именно будущее становится тем, что органически, неразрывно связывают с цифровизацией (например, идея того, что будущее уже наступило, ассоциируется преимущественно с практикой использования цифровых технологий). Это приводит к формированию устойчивых образов этого будущего [10], описываемых посредством метафор, которые позволяют выразить "понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида" [15, с. 27]. Иными словами, с помощью них стремятся описать цифровое будущее наиболее ёмко и презентабельно.

В целом эти образы будущего можно обозначить как образы технологического будущего, при этом речь идёт не о технологиях как таковых, к числу которых относятся самые разные материальные предметы, необходимые для достижения людьми конкретных целей (лопаты, костюмы, дворцы, очки, плотины и т.д.) [7, с. 19–20], а о вполне конкретных технологиях, а именно цифровых технологиях. Наиболее распространёнными образами являются "цифровой Левиафан", "цифровой рай" и "цифровой концлагерь". Первый выступает в качестве "эвристической схемы, позволяющей помыслить процессы цифровизации" [17]. Второй основывается на технооптимизме, т. е. представлении о том, что технический прогресс играет важнейшее значение для развития общества [8]. И, наконец, третий образ технологического будущего используется для обозначения потенциальной системы контроля за обществом, основанной на использовании цифровых технологий.

Предметом настоящего исследования является негативный образ технологического будущего, т. е. образ (метафора) цифрового концлагеря, который будет рассмотрен с использованием герменевтического методологического инструментария. Объектами интерпретации являются тексты различных публицистов, мыслителей, ученых и экспертов, выражающие представления о возникновении в будущем системы тотального цифрового контроля. Вместе с тем, опираясь на методологию конструктивизма, образ будущего воспринимается одновременно инструментом и результатом конструирования реальности.

Таким образом, цель работы заключается в выявлении достоинств и недостатков, а также политико-правового значения метафоры цифрового концлагеря в контексте конструирования образа технологического будущего. Для достижения цели предварительно необходимо сделать важный методологический комментарий относительно конкуренции образов будущего, далее перейти к анализу версий и трактовок цифрового концлагеря (в т. ч. описать его предполагаемую инфраструктуру как неотъемлемую часть представлений об

обществе цифрового контроля), и, наконец, в итоговой части сделать критические замечания относительно теоретических проблем и политико-правового значения осмысляемого образа будущего.

Образ будущего как конструируемая реальность и полемическая категория

Различные вариации будущего, моделирующие и конструирующие реальность, не являются нейтральными и конкурируют между собой [23]. Это связано с тем, что "за будущее ведётся яростная борьба, поскольку оно теснейшим образом связано с конфликтующими друг с другом общественными интересами" [21, с. 12]. В этом смысле следует полагать, что образ будущего является полемической (политической) категорией, относительно которой немецкий мыслитель К. Шмитт отмечал, что "все политические понятия, представления и слова имеют полемический смысл; они предполагают конкретную противоположность, привязаны к конкретной ситуации", более того, они остаются непонятны "если неизвестно кто in concreto должен быть поражен, побежден, подвергнут" [27].

Сказанное в полной мере справедливо для различных вариаций образа будущего, поскольку все они не только продвигаются определённым образом, но и каждый из них исключает все другие. В этот процесс также может быть включено государство, которое может продвигать собственный образ будущего: "в случае стихийного формирования негативных образов цифрового будущего в публичном пространстве коммуникаций и их дальнейшей репрезентации в общественном сознании населения страны возникают существенные угрозы общественному устройству. Из-за субъективных представлений о вреде цифровых технологий (потеря приватности, тотальный контроль, цифровая зависимость) *перед государством возникает неприглядная перспектива* возможной дестабилизации общественно-политической ситуации в виде движений цифровых неолуддитов (курсив мой – А. У.)" [5]. В контексте сказанного следует обратить внимание, что в данном случае авторы связывают риски и угрозы не с самим ростом технологий, которые потенциально могут принести вред обществу, сколько с субъективной реакцией общества, подлежащей для их минимизации корректировке государством.

Таким образом, следует заключить, что образ цифрового концлагеря, представляющий для нас основной интерес, существует наряду с иными образами будущего. Однако все эти образы не просто существуют сами по себе, но конкурируют между собой не только в теоретико-описательном измерении (описание и объяснение наступающего будущего через определенную метафору), но и в социально-политическом (конструирование и продвижение определенной модели). Подытоживая, подчеркнём, что конкуренция образов технологического будущего указывает, как минимум, на четыре обстоятельства:

- во-первых, будущее перестаёт мыслиться как нечто фатальное и единообразное, т. е. оно не является неизбежным и не является заранее определённым. В этом смысле из будущего изымается элемент объективности, поскольку оно становится не результатом объективно складывающихся процессов, но предполагает его сознательное конструирование;

- во-вторых, что логически вытекает из первого положения, будущее является проектом, т. е. результатом целенаправленной деятельности, а образ будущего – тем воображаемым результатом, к которому эта деятельность должна привести. Политическое (а иногда очевидно политико-конспирологическое, когда речь идёт о негативных образах будущего, к числу которых относится цифровой концлагерь [12; 24]) измерение данного положения указывает, что у того или иного образа будущего всегда есть заинтересованная сторона, направляющая движение истории к определённому результату;

- в-третьих, именно будущее становится главным критерием оценки и интерпретации прошлого, ключевым ориентиром в эволюции современного социального уклада [16]. Настоящее становится интересным и полезным в той мере, в которой позволяет приблизиться к желаемому будущему;

- в-четвертых, можно сказать, что образ будущего становится той легитимирующей конструкцией, которая обосновывает и оправдывает те или иные действия социально-политических акторов. В данном случае вполне уместна

аналогия с товаром, брендом и т. д., поскольку образ будущего может продвигаться в обществе.

Цифровой концлагерь: версии и трактовки

Словосочетание "цифровой концлагерь" представляет собой современный неологизм, образованный посредством сочетания слов "цифровой" (от англ. "digital" от "digit", т. е. "цифра") и "концлагерь" (от "концентрационный лагерь", который чисто этимологически происходит от испан. "campos de concentración" – "поле для концентрации, сбора, объединения, складирования"). В широком историческом рассмотрении термин "концлагерь" связывается с практиками жестокого обращения с отдельными категориями населения в конце XIX – первой половине XX вв. Речь, как правило, идёт о Второй англо-бурской войне, Гражданской войне в России, Холокосте и проч. Именно эти события определили семантическое ядро термина (дискриминация, контроль, концентрация и проч.), его отрицательную коннотацию, которая в полной мере характерна и для цифрового концлагеря.

Следует отметить, что момент введения данной метафоры в оборот не установлен, однако рост её публичной видимости (широкое распространение в публицистике), вероятно, произошёл после серии репортажей западных журналистов в 2018–2019 гг. о жизни уйгуров в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая [13]. Кроме того, значительную роль в её распространении сыграла пандемия Covid-19 [19]. При этом весьма часто неологизм применяется к деятельности таких американских компаний как Google и Meta¹ [28]. В России он прочно закрепился, например, за деятельностью такой структуры как "Сбер" [24, с. 187–190].

Отличительная особенность цифрового концлагеря по сравнению с привычным концентрационным лагерем состоит в том, что он может вместить в себя всё общество (а потенциально человечество), не имеет чётких границ (т. е. нельзя "зайти" и "выйти"), не требует значительного штата надзирателей, т. к. решения принимаются автоматическими системами. Поскольку контроль осуществляется посредством бытовых инструментов в режиме текущего времени, проявление господства не сопровождается постоянными силовыми акциями (построения, принудительные работы, система наказания, дисциплина), характерными для существовавших ранее лагерей. Цифровой концлагерь не располагает материальными атрибутами ограничений (колючая проволока, казармы, вышки охраны, униформа).

Тем самым следует заключить, что цифровой концлагерь мимикрирует под нормальное состояние общества, осуществляя давление на микроуровне и формируя желаемую и предсказуемую модель поведения, отклонение от которой может вызвать меры физического (цифровые инструменты в данном случае используются для выявления "преступников") либо цифрового воздействия (блокировка транзакций, отказ в пользовании сервисами, непредоставление услуг, понижение рейтинга, изъятие цифровых активов и собственности и проч.).

Анализируя представление об инфраструктуре цифрового концлагеря как неотъемлемого элемента этого образа будущего, отметим, что к элементам цифрового контроля можно отнести: 1) информационные системы (цифровая валюта, различные реестры и базы данных); 2) конкретные сервисы, инструменты и приложения (социальные сети и мессенджеры, боты, мобильные приложения и проч.); 3) алгоритмы и технологии (искусственный интеллект, QR-коды, распознавание лиц, эмоций, голосов, автомобильных номеров, прогнозирование поведения, сбор данных, создание дипфейков и проч.) [22]. В своей совокупности они могут образовывать сложные цифровые системы, ориентированные на осуществление цифрового контроля. Именно этим и объясняется возможность объединения в ряду элементов цифрового контроля столь разных явлений, поскольку каждое из них может быть использовано для надзора за человеческим поведением и его корректировки.

Частными примерами, из которых вырастает представление о возможности возникновения в будущем цифрового концлагеря, инфраструктурой

¹ 28 марта 2022 г. решением Тверского районного суда Москвы корпорация Meta была признана экстремистской.

которого будут являться наиболее бытовые ("безобидные") цифровые технологии, выступает интернет вещей, который, как полагают авторы, "ставит под угрозу наш собственный контроль над вещами, которые мы покупаем" [18, с. 271]. Так, в качестве локального, но весьма показательного примера, описанного в литературе, можно привести случай, когда цветочный горшок, подключённый к интернету, вызвал полицию, распознав в ходе ссоры мужчины и женщины слова "...я вызову полицию" [6, с. 4]. Подобные вещи, находясь в контакте с человеком, могут иметь доступ к самым сокровенным мыслям и планам. Трансформированные в информацию, они становятся собственностью корпораций, которые на их основе формируют пользовательский портрет человека. В соответствии с ним предлагаются определённые услуги. Иными словами, действия человека могут незаметно "программироваться" и направляться.

Таким образом, можно заключить, что в рамках идеи цифрового концлагеря практически любая цифровая технология, позволяющая осуществлять контроль над поведением человека и общества, может быть вписана в анализируемый образ. Однако открытым остаётся вопрос об операторе этого концлагеря, т. е. акторе, управляющем системой цифрового надзора.

Для того, чтобы перейти к этому вопросу, следует ввести базовое различие, которое, на наш взгляд, имеет принципиальное значение при обращении к проблеме понимания цифрового концлагеря. Так, ранее в литературе, посвященной социально-политическим аспектам цифровизации, для описания подходов к осмыслению цифровой трансформации было предложено различие *цифрового этатизма* и *цифрового корпоративизма* [14]. В первом случае речь идёт об "отстаивании суверенности национально-культурных траекторий развития цифровых технологий, сервисов, виртуальных пространств и т. п., суверенной юрисдикции государства в цифровом пространстве и национальных режимах обеспечения кибербезопасности". Цифровой корпоративизм, напротив, "ориентирован на цифровой вариант глобализации, формирование единой сетевой киберреальности и альтернативной метавселенной".

Конечно, такое различие нельзя считать исчерпывающим, поскольку зачастую "корпоративное" и "государственное" переплетаются друг с другом в рамках реальных властных отношений, о чем на уровне практики свидетельствует социально-политическая история, а на уровне её осмысления – интеллектуальная история. Однако мы полагаем, такое различие весьма удачным, поскольку оно обладает значительным эвристическим потенциалом для рассмотрения версий цифрового концлагеря, сформировавшихся в научных трудах, публицистике и экспертном сообществе.

Исходя из предложенного критерия, можно выделить две версии цифрового концлагеря: *этатистскую* и *корпоративную*. Этатистская версия предполагает, что ключевым субъектом, заинтересованным в средствах цифрового контроля, является государство. Корпоративная указывает, что выгодоприобретателем от внедрения систем цифрового контроля выступают, как правило, крупные транснациональные корпорации, имеющие значительные ресурсы.

Корпоративную версию следует считать не только более разработанной в литературе, но и более популярной. Однако зачастую имеет место некоторое смешение. Так, в рамках исследования, посвящённого анализу экспертного опроса, было выявлено, что значительное число экспертов разделяет позицию о преобладании "асоциального образа цифрового будущего", содержанием которого является представление о том, что "цифровые технологии являются инструментами в руках капиталистов и используются в основном в асоциальных целях", при этом "основными драйверами цифровых трансформаций являются военные ведомства, силовые структуры, военно-промышленный комплекс и транснациональные корпорации, интересы которых не совпадают с интересами общества (курсив мой – А. У.)" [5]. Любопытно, что несмотря на восприятие "технология как инструментов в руках капиталистов" среди структур, чьи интересы не совпадают с интересами общества, на равных перечислены как государственные, так и корпоративные институты.

Наряду с цифровым этатизмом и цифровым корпоративизмом пунктирно следует выделить ещё одну трактовку цифрового концлагеря с точки зрения субъекта (и выгодоприобретателя) цифрового надзора. Данная версия принципиально отлична от проанализированных ранее и представляет собой

наиболее негативный образ цифрового концлагеря, который в литературе пока обсуждается скорее "на правах" культурного мифа. Речь идёт о *цифровом футуризме*. Его суть сводится к принципиальной трансформации социального пространства под влиянием цифровых технологий, которые становятся не просто инструментом поддержания контроля, но наделяются субъектностью и рациональностью [4]. Данная версия по духу соответствует знаменитому сюжету "восстания машин", в рамках которого оператором цифрового концлагеря становится сам искусственный интеллект, который использует человечество в своих собственных интересах. И хотя данная трактовка широко представлена в массовой культуре, концептуально она осмыслена весьма слабо, тем более в качестве вариации цифрового концлагеря, поскольку основной акцент делается уже не на средствах контроля, а на утрате человечеством своего исключительного статуса [3].

Образ цифрового концлагеря как теоретическая проблема и его значение

Не претендуя на критическое рассмотрение материально-технологических возможностей создания цифрового концлагеря, обратимся к концептуальным аспектам данного образа будущего. Представляется, что образ цифрового концлагеря имеет ряд существенных теоретических изъянов, которые мы постараемся в *порядке полемики* обосновать далее. Остановимся двух проблемных аспектах.

Во-первых, идея цифрового концлагеря зачастую имеет отчётливо конспирологический характер. Речь идёт о совокупности тех подходов, в рамках которых социально-политическим акторам приписывается *сознательное, целенаправленное* стремление создать систему тотального цифрового контроля над обществом. Видится, что такой взгляд не столько раскрывает "тайные пружины" социальных процессов, сколько затуманивает взгляд. Зачастую цифровые технологии производятся и внедряются децентрализованным образом, они появляются в том числе как результат конкуренции между акторами, либо их внедрение вытекает из уже существующих государственных функций (в этом случае именно они должны подвергаться критике, а не цифровые технологии как средство их осуществления). Кроме того, такая оптика в целом способна дискредитировать попытки рассмотреть проблему расширяющегося цифрового контроля, поскольку в этом случае их очень легко маркировать как "абсурдные".

Во-вторых, поскольку цифровой концлагерь мимикрирует под нормальное состояние общества, то практически любую цифровизированную сферу жизни общества можно воспринимать в качестве его. Во многом это напоминает фуконианскую логику понимания власти как всепроникающего феномена. В рамках её невозможно различить общество контроля от свободного общества, поскольку всякое общество в силу расширительного толкования контроля есть общество контроля. То же самое справедливо для концепции цифрового концлагеря, в рамках которой любая цифровая технология есть способ надзора за деятельностью человека, её автоматизации и подчинения цифровым алгоритмам. Следовательно, цифровой концлагерь наступил уже очень давно, ровно в тот момент, когда первая цифровая технология была внедрена в человеческую жизнь, а значит о нём нет никакого смысла рассуждать.

Несмотря на представленные недостатки концепции цифрового концлагеря, мы полагаем, что она может иметь важное политико-правовое значение, будучи оценочной категорией, применяемой в процессе анализа внедрения конкретных цифровых систем в социальное взаимодействие.

Так, в теории конституционного права известна теория страха, разработанная конституционалистом А. Шайо. Её суть сводится к тому, что конституционные нормы "не предсказывают, *каким должно быть общество будущего*", но "говорят о *связанных с будущим строем и существовавших в нём страхах* (курсив мой – А. У.)" [25, с. 16]. Опасаясь повторения прошлых изъянов политико-правового порядка (концентрации власти в одних руках, незащищенность прав и свобод, идеологический монизм, корпоративизм и т. п.), разработчики конституций включают в их тексты положения, которые должны предотвратить возвращение к нему. Тем самым из страха рождается новый документ, регулирующий устройство государства и степень его влияния на общество. Образ и опыт "нежелаемого прошлого" становится филь-

тром для отсеечения конституционных проектов, способных воплотить в жизнь предмет страха.

Представляется, что сказанное методологически применимо к концепции цифрового концлагеря, который, как можно полагать, порождён, среди прочего, страхом перед вполне реальными концентрационными лагерями, с которыми человечество сталкивалось в своей истории. Исходя из этого, попытки экспертов, публицистов и учёных говорить о цифровом концлагере основаны на страхе перед ним, на стремлении в нём не оказаться. В этом контексте концепция цифрового концлагеря укоренена *не столько в будущем, сколько в прошлом*, отражая опасения относительно возможности возвращения к жестоким формам ограничения свободы, достижимым с помощью цифровых технологий. Таким образом, эта концепция может предложить важный политико-правовой инструментарий оценки внедрения цифровых технологий с позиции их применимости для установления тотального цифрового контроля.

Заключение

Подводя итог, подчеркнём, что в текущем виде идея цифрового концлагеря отличается конспирологичностью и теоретической неразличимостью. Вместе с тем она обладает значительным потенциалом в политико-правовом контексте. Так, расстановка акцентов может привести к тому, что цифровой концлагерь из образа будущего трансформируется во враждебный "образ антибудущего", т. е. воображаемого, аналитически моделируемого состояния общества, которое не должно воплотиться на практике. Из этого следует логический шаг в виде допущения отсева потенциально опасных цифровых технологий, определённых практикой использования искусственного интеллекта и проч., представляющих угрозу для человека и общества. Помня о разнообразностях цифрового концлагеря, важно отметить, что такой оценке могут подвергаться не только новации, внедряемые корпорациями, но и действия государства в сфере цифровизации.

Литература / References

1. Артамонова Ю. Д., Володенков С. В. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 53. С. 188–196. <https://doi.org/10.17223/1998863X/53/20>
Artamonova Yu. D., Volodenkov S. V. Information capsules as a structural component of modern political Internet communication. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2020. No. 53. P. 188–196. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863X/53/20>
2. Берарди Ф. Душа за работой. От отчуждения к автономии. М.: Грюндриссе, 2019. 320 с.
Berardi F. The soul at work. From alienation to autonomy. Moscow: Grundrisse, 2019. 320 p. (In Russ.)
3. Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 408 с.
Braidotti, R. Posthuman. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2021. 408 p. (In Russ.)
4. Брокман Дж. Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте. М.: Альпина-Нон-фикшн, 2017. 552 с.
Brockman J. What we think about machines that think: The world's leading scientists on artificial intelligence. Moscow: Alpina-Non-ficshin, 2017. 552 p. (In Russ.)
5. Володенков С. В., Зотов В. В., Консон Г. Р., Гуров О. Н. Перспективы формирования просоциального образа цифрового будущего в России (экспертная оценка). *НОМОТНТИКА: Философия. Социология. Право*. 2024. № 1. С. 39–51. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2024-49-1-39-51>
Volodenkov S. V., Zotov V. V., Conson G. R., Gurov O. N. Prospects for the formation of a prosocial image of the digital future in Russia (expert assessment). *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Right*. 2024. No. 1. P. 39–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2024-49-1-39-51>
6. Гринбаум А. Машина-доносчица. Как избавиться от искусственного интеллекта от зла. СПб.: Транслит, 2017. 74 с.
Grinbaum A. The scammer machine. How to rid artificial intelligence of evil. St. Petersburg: Translit, 2017. 74 p. (In Russ.)
7. Дессауэр Ф. Спор о технике. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.
Dessauer F. A dispute about technology. Samara: Publishing House of the Samara Humanitarian Academy, 2017. 266 p. (In Russ.)

8. Джибилова Е.Г., Султанова Г.Д., Фидря Е.С. Концепция "цифрового рая" и "цифрового ада" в современной научной литературе с позиции футурологии. *Теория и практика общественного развития*. 2023. № 2. С. 54–59. <https://doi.org/10.24158/tpor.2023.2.6>
Dzhibilova E. G., Sultanova G. D., Fidrya E. S. The concept of "digital paradise" and "digital hell" in modern scientific literature from the perspective of futurology. *Theory and practice of social development*. 2023. No. 2. P. 54–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/tpor.2023.2.6>
9. Дин Д. Коммунизм или неофеодализм. *Логос*. 2019. № 6. С. 85–116.
Dean D. Communism or neo-feudalism. *Logos*. 2019. No. 6. P. 85–116. (In Russ.)
10. Желтикова И.В. Образ будущего как образ. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2013. № 5. С. 75–80.
Zheltikova I. V. The image of the future as an image. *Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2013. No. 5. P. 75–80. (In Russ.)
11. Жукоцкая А.В. Цифровизация и некоторые риски прозрачного общества / Цифровая гуманитаристика: человек в "прозрачном" обществе. М.: Книгодел, 2021. С. 5–13.
Zhukotskaya A. V. Digitalization and some risks of a transparent society / Digital humanities: a man in a "transparent" society. Moscow: Knigodel, 2021. P. 5–13. (In Russ.)
12. Катасонов В.Ю. Посткапитализм. От либеральной демократии к цифровому концлагерю. М.: Книжный мир. 384 с.
Katonov V. Y. Postcapitalism. From liberal democracy to the digital concentration camp. Moscow: Knizhny Mir. 384 p. (In Russ.)
13. Кейн Дж. Государство строгого режима. Внутри китайской цифровой антиутопии. М.: Индивидуум, 2023. 336 с.
Kane J. A high-security state. Inside the Chinese digital dystopia. Moscow: Individuum, 2023. 336 p. (In Russ.)
14. Кочетков А.П., Мамычев А.Ю. Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики. *Полис. Политические исследования*. 2023. № 1. С. 96–113. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.08>
Kochetkov A. P., Mamychev A. Yu. The state policy of Russia in the digital age: main trends, scenarios and regulatory practices. *Polis. Political research*. 2023. No. 1. P. 96–113. (In Russ.)
<https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.08>
15. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
Lakoff D., Johnson M. Metaphors that we live by. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p. (In Russ.)
16. Мамычев А.Ю., Ким А.А., Фролова Е.Е. "Будущее" как аттрактор современных политико-правовых и социально-экономических трансформаций: обзор основных проблем и подходов. *Advances in Law Studies*. 2020. № S5. С. 3–17. <https://doi.org/10.29039/2409-5087-2020-8-5-3-17>
Mamychev A. Yu., Kim A. A., Frolova E. E. "The Future" as an attractor of modern political, legal and socio-economic transformations: an overview of the main problems and approaches // *Advances in Law Studies*. 2020. No. S5. P. 3–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.29039/2409-5087-2020-8-5-3-17>
17. Мамычев А.Ю. "Цифровой Левиафан": сценарии развития гоббсовского чудовища в XXI веке. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2022. № 3. С. 367–392. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-367-392>
Mamychev A. Y. "Digital Leviathan": scenarios for the development of the Hobbesian monster in the 21st century. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2022. No. 3. P. 367–392. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-367-392>
18. Перзановски А., Шульц Д. Конец владения: личная собственность в цифровой экономике. М.: Издательский Дом "Дело" РАНХиГС, 2019. 271 с.
Perzanovski A., Schultz D. The end of ownership: personal property in the digital economy. Moscow: Publishing House "Delo" RANHiGS, 2019. 271 p. (In Russ.)
19. Прилуцкий А.М. Электронный концлагерь антихриста: семиотика мифологема. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2021. № 3. С. 216–227.
Prilutsky A. M. The electronic concentration camp of the Antichrist: semiotics of the mythologeme. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*. 2021. No. 3. P. 216–227. (In Russ.)
20. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. 328 с.
Standing G. The Precariat: a new dangerous class. Moscow: Adam Press, 2020. 328 p. (In Russ.)
21. Урри Дж. Как выглядит будущее? М.: Издательский Дом "Дело" РАНХиГС, 2019. 320 с.
Urry J. What does the future look like? Moscow: Publishing House "Delo" RANHiGS, 2019. 320 p. (In Russ.)
22. Фасман Дж. Общество контроля. Как сохранить конфиденциальность в эпоху тотальной слежки. М.: Эксмо, 2023. 368 с.
Fasman J. The Control Society. How to preserve privacy in the era of total surveillance. Moscow: Eksmo, 2023. 368 p. (In Russ.)
23. Хамел Г., Прахалад К.К. Конкурируя за будущее. Создание рынков завтрашнего дня. М.: ЗАО "Олимп-Бизнес", 2002. 288 с.
Khamel G., Prahalad K. K. Competing for the future. Creation of tomorrow's markets. Moscow: Olymp-Business CJSC, 2002. 288 p. (In Russ.)

24. Четверикова О. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. М.: Книжный мир, 2019. 320 с.
Chetverikova O. Digital totalitarianism. How it's done in Russia. Moscow: Knizhny Mir, 2019. 320 p. (In Russ.)
25. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М.: Юрист, 2001. 292 с.
Shaio A. Self-restraint of power (a short course in constitutionalism). Moscow: Jurist, 2001. 292 p. (In Russ.)
26. Шамаю Г. Теория дрона. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. 280 с.
Shamay G. Theory of the drone. Moscow: Adam Press, 2020. 280 p. (In Russ.)
27. Шмитт К. Понятие политического. *Вопросы социологии*. 1992. № 1. С. 37–67.
Schmitt K. The concept of the political. *Questions of Sociology*. 1992. No. 1. P. 37–67. (In Russ.)
28. Шошанна З. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2024. 784 с.
Shoshanna Z. The era of supervisory capitalism. The battle for the human future at the new frontiers of power. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2024. 784 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Антон Дмитриевич Уханов, канд. полит. наук, доцент кафедры теории и истории российского и зарубежного права Владивостокского государственного университета, Владивосток, Россия, e-mail: vin-chun.95@list.ru

Information about the author

Anton D. Ukhanov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of Russian and Foreign Law, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, e-mail: vin-chun.95@list.ru

Поступила в редакцию 09.01.2025

Одобрена после рецензирования 16.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Received 09.01.2025

Approved 16.02.2026

Accepted 26.02.2026